

Дихотомия «глобализация – глокализация»: эрозия или фронтир?*

Globalization–Glocalization Dichotomy: Erosion or Frontier?

Окончание. Начало в № 1/2026.

А. ДЕГТЯРЕВ

Дегтярев Александр Николаевич, д-р экон. наук, профессор, вице-президент Академии наук Республики Башкортостан. E-mail: aleks-degt@yandex.ru

Аннотация. Данная статья относится к экономической теории и посвящена исследованию феномена глокализации, ставшей в XXI в. реальным «противовесом» глобализации по модели Запада. Актуальность исследования обусловлена планетарным масштабом данного явления и геополитическими последствиями формирования нового, многополярного миропорядка. В работе отмечается вклад мировой экономической мысли в исследование процессов глобализации в контексте эволюции человечества.

Ключевые слова: глобализация, глокализация, пространственное развитие, регионализм.

Abstract. This article relates to economic theory and is devoted to the study of the phenomenon of glocalization, which in the 21st century has become a real "counterweight" to globalization according to the model of the West. The relevance of the research is due to the planetary scale of this phenomenon and the geopolitical consequences of the formation of a new, multipolar world order. The paper highlights the contribution of world economic thought to the study of globalization processes in the context of human evolution.

Keywords: globalization, glocalization, spatial development, regionalism.

Часть 2. Глобализация с «национальным лицом»

Сам термин «глокализация» (англ. *Glocalisation*), введенный в научный оборот британско-американским социологом Р. Робертсоном в 1990-х годах в статье «Глокализация: пространство, время и социальная теория», отражает детерминизм частного на фоне общего, имманентный процессу глобализации в контуре конкретной региональной институциональной матрицы. Считается, что он появился как интерпретация японского слогана «*делать по-туземному*», означающего, по существу, противоборство *традиционализма и универсализма*. Поскольку известно, что *Восток – дело «тонкое»*, китайская модель глокализации – «*шаньчжай*» по правилам «*чжи ду*» имеет еще более утонченный смысл – «*сосязательное взаимодействие при сохранении исторической культуры*», обеспечившее Китайской Народной Республике не только колоссальные экономические выгоды и лидирующие позиции в мировой конкурентной борьбе, но и сохранение идентичности древней цивилизации. Таким образом, поскольку глобализация затрагивает все стороны жизни и деятельности общества (экономику, политическую систему, национальную культуру, коммуникативную сферу), закономерно, что локальная рефлексия также разнонаправленна и избирательна – от взаимодействия и сосуществования до конфронтации и изоляционизма. Неслучайно, как образно отмечает американский футуролог Дж. Нейбит, «*Китай переправляется через реку, нащупывая “камни”*» [20, 164].

Однако примеры локальных проявлений в процессе глобализации в странах Юго-Восточной Азии (ЮВА) не являются единственными. Так, одной из форм «особенности» регионального развития является, к примеру, национальная валюта в 7 странах (Венгрия, Чехия,

---

* Ссылка на статью: Дегтярев А.Н. Дихотомия «глобализация – глокализация»: эрозия или фронтир? (окончание) // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2026. № 2. С. 4–10. DOI: 10.34773/EU.2026.2.1.

Швейцария, Дания, Польша, Румыния, Болгария (на конец 2025 г. – ред.) из 27, объединенных в Евросоюз с единой валютой – евро. В целом же приходится констатировать, что вследствие падения доверия к доллару в условиях нарастающего из года в год государственного долга США (в 2025 г. он составил свыше 38 трлн долл. при объеме ВВП страны в 28 трлн долл.), а также турбулентности мировой экономики и геополитического кризиса, все больше стран мира стремятся осуществлять свои межгосударственные финансовые обязательства в национальных валютах. В логике концепции глокализации крупной локальной экосистемой является и Евросоюз, имеющий собственные коллективные политические институты (Европарламент, Еврокомиссия и др.), экономические механизмы защиты объединенного рынка (бюджетную политику, таможенные тарифы, санкции и др.) и социально-ориентированные инструменты вроде Шенгенской зоны для иностранного туризма. Созданный в 1990-х годах как консолидированный союз европейских государств для защиты рынка, в последующем он все больше политизировался и бюрократизировался и в настоящее время переживает, по нашему мнению, не лучший период своей эволюции, который может привести его к полной деградации и распаду. Другими примерами крупных межгосударственных объединений, обеспечивающих не только государственный суверенитет, но и индивидуальный трек социально-экономического развития каждого государства – члена содружества с учетом его исторических и культурных традиций, являются ШОС и БРИКС, объединяющие страны с населением, составляющем свыше 40% населения земного шара. С конца прошлого века стремительно набирают обороты экономического роста восточноазиатские «тигры» (Южная Корея, Сингапур, Гонконг, Тайвань), активно формирующие в противовес Старому и Новому Свету из некогда маргинальной зоны колониальной периферии новое индустриальное пространство, лишенное тяжелого наследия старопромышленных стран и ориентированное на новые модели экономического развития и технологии будущего. Тем самым сбывается предсказание французского историка и демографа А. Соби о том, что «*“Третий мир” перевернет мир*», высказанное им в середине XX в. на страницах известной книги «*Три мира, одна планета*» [26]. Смысл этого тезиса – в обосновании объективных процессов эволюции человеческой цивилизации и демонтаже традиционной иерархической модели традиционных центров экономического роста и развития. В целом на разных континентах Земли подобных примеров немало, но всех их объединяют, как правило, модернизированные модели экономического развития, ориентированные на создание преференциальных механизмов – в разделении труда, использовании природных и производственных ресурсов, финансовых и таможенных механизмов поддержки ОЭЗ, логистических цепочек и транспортных коридоров при сохранении историко-культурных ценностей нации.

О связи политики и экономики в контексте пространственного развития государств писали еще на рубеже XVIII–XIX вв. немецкие историки Ф. Рериг и Ф. Лист, считавшие экономические факторы определяющими. В известном труде Ф. Листа, «*Национальная система политической экономии*» [3], посвященном проблемам *геоэкономики*, автор представил концепцию пространственного развития, базирующуюся на примате национальных интересов. Теория пространственного развития (*пространственная экономика – spatial economics*), учитывающая пространственные факторы, нашла также отражение в трудах известных ученых различных стран, начиная с XIX в., когда немецкие экономисты Й. фон Тюнен и В. Лаунхардт обосновали логику размещения производительных сил в сельском хозяйстве и промышленности с учетом географического положения субъектов экономической деятельности. Эти идеи были обобщены А. Вебером в работе «*Теория размещения промышленности*», а в дальнейшем получили развитие благодаря трудам известных ученых различных стран: французского экономиста Ф. Перру, российского географа-исследователя В.П. Семенова-Тян-Шанского, немецких ученых В. Кристаллера и В. Рошера, американского географа У. Айзарда и др. Как справедливо отмечают П. Минакир и А. Демьяненко: «*Началось преобразование экономической географии как систематизированного описания экономики на территории в географическую экономику – науку, описывающую и объясняющую формирование и функционирование экономических систем в определенном географическом пространстве*» [19, 16]. Так, в конце XX в. нобелевский лауреат

П. Кругман, исследуя модели важнейшего инструмента регионального развития – международной торговли в условиях гетерогенной экономической среды, выявил каузальную зависимость локализации «полюсов роста» – агломерационных экономических центров развития от сохранности и эффективности базовых институтов общественно-экономической системы, а также исторически сложившейся структуры производительных сил и факторов производства.

Все эти экономические модели во многом поясняют механизмы формирования локальных центров экономического развития в контуре дихотомии «глокализация/глобализация». Картину процесса дополняют исследования в рамках *поведенческой экономики (behavior economics)*, объясняющей мотивацию действий субъектов экономических отношений и их социального *ароморфоза*, от которых зависит то, по какому пути пойдет процесс в регионе: адаптации глобальной экономической модели и технологий; конвергентной синергии двух начал, или сегментации рынков в соответствии с национальной «архитектурой» экономики и власти. Об этом же говорит в интервью журналу «Свободная мысль – XXI» известный латиноамериканский ученый и общественный деятель Э. де Сото: *«не существует какого-то единого “западного” пути развития... просвещенные элиты должны принять глубинную суть идей прогресса и равенства и позволить народу самому выбирать свою судьбу и свой путь...»* [9, 10, 13]. В подтверждение этой логики, академик РАН С. Глазьев в своем исследовании мирохозяйственных укладов в глобальном экономическом развитии отмечает их связь с циклами накопления капитала и утверждает: *«Вслед за американским вековым циклом накопления капитала центр мирового экономического развития смещается в Азию... институциональные системы Китая, Индии, Японии, Кореи, Вьетнама, Малайзии, Сингапура, Ирана и других стран формирующегося на наших глазах нового центра развития ориентированы на обеспечение общественных интересов в социально-экономическом развитии»* [4, 3, 15]. Действительно, если обратиться к статистике, в 1820 г. на долю стран коллективного Запада приходилось примерно 25 % совокупного мирового продукта, а на долю Азии – около 65 %; в 1920 г., соответственно, 70 % и 20 %, а в 2020 г. – 45 % и 45 %. То есть, если оперировать категориями «центр/периферия» в отношении масштабов экономической деятельности по объему ВВП, мы можем наблюдать цикличность мировых трендов и очевидную смену вектора лидирующих экономик мира в пользу стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Некоторые ученые утверждают, что в уже ближайшем будущем грядет эпоха глобальной депрессии, глобализация практически «умерла», и наступают времена расцвета глокализации – новой мантры эволюционистов-антиглобалистов. Однако более глубокие исследования дихотомии «глокализация/глобализация» показали сложность этого процесса и неоднозначность его интерпретации с точки зрения различных научных подходов. Известна, к примеру, холистическая позиция Р. Робертсона, который рассматривает процессы глобализации сквозь призму единства и целостности мира и считает, что в данном случае глобальные и локальные процессы являются, как правило, конвергентными, взаимодополняющими и однородными, а мир при этом *«сжимается»* и становится *«единым пространством»* [33]. Однако хорошо известно, что все же в природе *«не все лебеди белые»* – встречаются и черные [29], и, как показывают многочисленные исследования, *«чем сильнее процесс глобализации, тем более становится востребованной локальная специфика, которая... воздействуя на процесс глобализации, трансформирует его, превращает в сложный симбиозный процесс»* [1, 5]. В этой связи определенный интерес представляет т.н. «триалектическая» концепция синтеза новой самоорганизующейся системы, образующейся в процессе борьбы двух цивилизационных противоположностей и представляющей собой субъект некой *«суверенной глобализации»* [5]. В целом, оценивая наблюдаемый с началом нового века цивилизационный сдвиг, известный российский ученый, историк-международник Вячеслав Никонов констатирует: *«Триумфализм, очевидно, проходит. Мир демонстрирует множество моделей развития, все больше учитывающих национальную, региональную, историческую, религиозную и иную специфику каждой страны. Центр тяжести мирового развития все больше перемещается с Запада на Восток, с Севера на Юг, из зоны развитых экономик в ареал развивающихся»* [22, 873].

Каковы же коренные причины и последствия смены вектора мирового развития? Их, как минимум, пять. *Во-первых*, в сфере НТР – это смена парадигмы доминирующего технологического уклада, якобы «принадлежащего по праву» странам «золотого миллиарда». *Во-вторых*, смена коммуникативной парадигмы человечества с вхождением в эпоху цифровых технологий и искусственного интеллекта, разрушившей государственные границы в финансовой и технологической сферах мировой экономики. *В-третьих*, геополитический кризис, который поразил мировое сообщество, поставив человечество на грань новой мировой войны, но уже без победителей. *В-четвертых*, наметившийся демонтаж доктрины рыночного фундаментализма как доминантной модели мирового развития в пользу интегративной модели и системного подхода в обеспечении роста общественного благосостояния, примата общественных интересов над частными. *В-пятых*, переход от американоцентричной модели развития, пришедшей в свое время на смену европоцентричной модели, к полицентричной модели глокализации и многополярному мироустройству на основе «концепции социально-консервативного синтеза, объединяющего систему ценностей мировых религий с достижениями социального государства и научной парадигмой устойчивого развития» [4, 22].

Очевидно, что все указанные факторы влияют на экономический рост в конкретном регионе мира, диверсифицируя общемировую динамику, которая в последние годы складывается не в пользу Запада и вызывает в отношении стран-лидеров локальной модернизации негативную рефлексию, выражающуюся в сдерживании процесса модернизации через закрытость достижений НТР, банковские ограничения, санкционное давление и проч. В этом – отрицательное влияние глокализации на мировую динамику. Вместе с тем, процесс давления Запада на «неудобные» правительства вынуждает быстрорастущие экономики ЮВА и АТР объединяться в альтернативные экономические союзы, обеспечивающие национальный суверенитет и развитие. Более того, крупнейшие азиатские экономики расширяют свое международное влияние, осуществляя инвестиции в развитие стран Юга, что, безусловно, усиливает их политический вес в международном сотрудничестве, а Китай обеспечил даже конвертируемость юаня. Китай пошел еще дальше и в качестве геодивизиональной идеи интеграции со странами Азии, Европы и Северной Африки провозгласил международный проект «Шелковый путь-2» («Один пояс – один путь»), который, по сути, следует расценивать как геостратегическое наступление Востока на Запад. Место встречи Востока и Запада и есть фронт новой глобализации, определяющий степень ее инверсии. При этом, поскольку этнокультурные ценности в самих странах-реципиентах имеют большое значение, они сохраняют те же принципы при взаимодействии во внешнем контуре коммуникаций, и в этом, безусловно, состоит большое положительное влияние глокализации на мировое развитие, поскольку в данном случае экономическое взаимодействие не превращается в геополитическую зависимость, напротив, отражая синергетический эффект сопряжения интересов мирового субрегиона с мировыми рынками и финансами, нивелирование диспропорций в экономическом развитии отдельных стран.

Термин «*фронт*», введенный в научный оборот американским историком Ф. Дж. Тернером, имеет, как известно, универсальное значение и обозначает не просто некий рубеж, достигаемый в процессе продвижения нового явления в общественной среде, но взаимопроникновение и «*противоречивое сочетание различных культур и цивилизационных практик*» [13, 194]. Очевидно, что этот процесс несет в себе при определенной конфигурации коммуникативных связей общественных структур, относящихся к различным этнокультурным субъектам, потенциал конфликтности и социального хаоса – основы формирования новых самоорганизующихся систем. Известный американский футуролог С. Хангтингтон идет в своих алармистских рассуждениях значительно дальше и прогнозирует при неограниченной глобализации неизбежное столкновение цивилизаций – как крайнюю форму проявления национально-культурного приоритета мышления и социальной рефлексии: «*Центральной осью мировой политики будущего, видимо, будет конфликт между Западом и остальным миром*» [32, 517]. При этом мало у кого остаются сомнения, что местом столкновения цивилизаций арабо-мусульманского мира, китайской и западной станет именно Европа – «бумеранг» реглобализации/деглобализации и

политики европоцентризма возвращается. По определению французского исследователя М. Фуше, этот болезненный для Европы процесс потери статуса универсального общецивилизационного паттерна получил название «деоксидентализации глобализации» [27].

Анализируя эти процессы, важно понимать, что *экономическая многополярность* и *экономическая фрагментация* – это не синонимы, а скорее антонимы, поскольку в первом случае мы имеем дело с развитием институтов глобализма, а во втором – с их *дисфункциональностью* [28]. Неслучайно Всемирный банк трактует многополярность как множественность полюсов роста, находящихся в постоянном «дрейфе», в ходе которого перераспределяются доли отдельных государств в мировом ВВП, мировой торговле, мировой финансовой и банковской системах на фоне глобальных геополитических процессов и турбулентности мировой экономики. Эти факты наглядно иллюстрирует мировая статистика: так, если в странах G7 в период с 2000 по 2022 гг. ВВП увеличился примерно в 2,3 раза, то в КНР – в 8,2 раза, в Индии – в 5,4 раза, во Вьетнаме – в 6,6 раз. Так формируется новая внеблоковая геоэкономика и геополитика, разрушающая гегемонизм однополярного мира *Pax Americana* и способствующая становлению и развитию на новом геополитическом ландшафте новых экономик по *принципу ризомы*, метафорично отражающему, согласно философии Ж. Делеза, суть нелинейного децентрализованного процесса «*тихой глобализации*» (*mondialisation pacifique*), идущей в обратном направлении.

Вместе с тем, справедливо оценивая глобализацию как многофакторный комбинированный процесс, ряд авторов не склонны расценивать деглобализацию как эпитафию глобальному процессу интеграции экономик мира, считая глокализацию/регионолизацию лишь частным случаем в рамках нелинейного волнового процесса, конкурентным вызовом в период нового фазового перехода [14]. Однако определенная эрозия глобализации все же наблюдается, и ее проявления многие страны мира, во-первых, ощутили в период мирового кризиса 2007-2008 гг., оставшись «один на один» со своими экономическими проблемами: каждый «тушил пожар» сам, опираясь на свои ресурсы и возможности. Во-вторых, серьезным препятствием свободному перемещению капиталов и технологий стала протекционистская политика ряда мировых держав в виде санкций и рестрикций, особенно в отношении стран, демонстрирующих эффективное самостоятельное развитие. В-третьих, информационно-психологические прокси-войны, ставшие зримым препятствием для консолидации народов мира в культурной и научно-технологической сферах. «*В итоге конфликт интересов в мировом сообществе усиливается, и глобальный мир, оказавшийся перед лицом принципиально новых вызовов, все больше втягивается в ситуацию нарастания противоречий и неопределенности*» [34, 5]. Все это позволяет ученым расценивать современные глобальные процессы как бифуркационный переход в фазу неоглобализации гибридного типа, основанной на международном праве субъектности и национального суверенитета государств, сохраняющих свои культурно-исторические ценности и национальные интересы [18].

По убеждению канадского политолога и экономиста Р. Десаи, фундаментальной причиной современных процессов становления многополярного мироустройства и деглобализации является «*материальность наций*», предполагающая демонтаж глобальной модели «*центр – периферия*» и одновременное формирование неоглобалистской модели «*равной конкуренции*» государств в мировых координатах экономического развития. Это и есть новый фронт глобализации.

Заключение

Таким образом, ретроспективный анализ проблемы дихотомии «глобализация – глокализация» показал следующее. Во-первых, современная глобализация берет историческое начало во времена Промышленной революции XVIII–XIX вв. и в настоящее время представляет собой всемирно-исторический феномен, соединяющий посредством коллаборативных коммуникаций экономики, социум и природную/географическую среду различных регионов мира в единую планетарную экосистему. Во-вторых, данная экосистема носит гетерогенный характер, отражающий, помимо трансграничной глобализации, сформировавшиеся в ряде регионов земного шара локальные модели глобализационных процессов – глокализацию, обусловленную наличием

мощного генетического иммунитета отдельных национально-культурных центров, активно противодействующих вестернизации мира по западному образцу. В-третьих, оба отмеченных процесса в контексте дихотомии «глобализация – глокализация» давно и прочно вошли в научную повестку ученых по обе стороны океана, всесторонне объясняющих указанные явления с позиций пространственной экономики, геополитики, геофилософии, исторической науки, институционализма и др. В-четвертых, оба процесса не идеальны, поскольку несут в себе «*вирус конфликтности*», чреватый непредсказуемыми последствиями планетарного масштаба.

Авторский вывод по существу поставленной в исследовании задачи состоит в следующем. Человечество с началом XXI в., в силу отмеченных в статье вызовов, вступило в эпоху *неоглобализации*, для которой свойственна гетерогенная модель мировой экономики в координатах многополярного геополитического мироустройства, что, безусловно, следует считать *фронтиром* этого всемирно-исторического явления. Однако следует признать, что это лишь теоретический взгляд на научную проблему, практические же действия предпринимают, как известно, политики, которым, надеемся, хватит ответственности не разрушить наш прекрасный и многоликий мир.

Литература

1. Авдокушин Е.Ф. Глокализация как объективный процесс и корпоративная стратегия // Вопросы новой экономики. 2010. № 2(14). С. 4–17.
2. Арсланов В.В. География, институты и истоки глобального неравенства: критика концепции экономического развития Аджемоглу и Робинсона (научный доклад). М.: Институт экономики РАН, 2016. 56 с.
3. Витте С.Ю. Национальная экономия и Фридрих Лист. Киев: тип. «Киев. слова», 1889. 59 с.
4. Глазьев С.Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы, 2016. № 2. Т. 52. С. 3–29.
5. Голубев В.С. Суверенная глобализация и геополитика // Век глобализации. 2017. № 3(23). С. 43–50.
6. Дегтярев А.Н. Конверсия институтов. Начала теории. М.: Nota Bene, 2020. 240 с.
7. Делёз Ж. Различие и повторения. СПб.: Петрополис, 1998. 324 с.
8. Ильин И. Национальная Россия. Наши задачи / Сборник. М.: Алгоритм, 2007. 464 с.
9. Иноземцев В.Л. Эрнандо де Сото: «Единого западного пути развития не существует» // Вопросы экономики переходного периода. 2005. № 10. С. 10–15.
10. Кирдина С.Г. Роль институтов и географии в экономическом развитии: актуальная полемика в гетеродоксальной экономике // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 133–150.
11. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем // Российский экономический журнал. 2005. № 4. С. 78–85.
12. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: учебник для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2001. 479 с.
13. Левяш И.Я. Культурное отчуждение и фронтиры: пропасти и мосты // Диалог культур в эпоху глобальных рисков: Материалы Международной научной конференции и X научно-теоретического семинара, Минск, 17–18 мая 2016 г. Минск: РИВШ, 2016. С. 193–196.
14. Леонова О.Г. Деглобализация versus глобализация // Век глобализации. 2024. № 2. С. 3–19.
15. Леонова О.Г. Концептуализация понятия «глобализация» в современной науке // Век глобализации. 2018. № 1. С. 15–23.

16. Ли Т. Глокализация мирового экономического пространства: содержание и воздействие на национально-государственные экономические системы // *Экономические науки*. 2017. № 154. С. 7–10.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М.: Политиздат, 1974. 63 с.
18. Махаматов Т.М., Сиддиков И.Б. Неоглобализация, суверенитет и субъектность государства // *Век глобализации*. 2024. № 4. С. 110–118.
19. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // *Экономическая наука современной России*. 2010. № 3(50). С. 7–26.
20. Нейсбит Дж. Китайские мегатренды: 8 столпов нового общества / Джон и Дорис Нейсбит; пер. с англ. М.: Астрель. 2012. 315 с.
21. Неклесса А.И. Конец цивилизации, или Зигзаг истории // *Знамя*. 1998. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=372>
22. Никонов В.А. Современный мир и его истоки. М.: Издательство МГУ. 2015. 880 с.
23. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эйдельмана. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. 256 с.
24. Пунченко О.П. Фронтиры евро-азиатской глобализации: синергетический анализ // *Век глобализации*. 2018. № 3. С. 26–38.
25. Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. 4-е изд. М.: Инфра-М, 2014. 882 с. ISBN 978-5-16-004189-6.
26. Сови Альфред. Сломанная демография. Три мира, одна планета / L'Observateur.1952. № 118 / пер. с франц. [Электронный ресурс]. URL: https://sponsr.ru/friend_ru/80981/Slomannaya_demografiya_Tri_mira_odna_planeta_Alfred_Sovi/
27. Спиридонова В.И. Глобализация в XXI в.: инволюция или новые перспективы? // *Век глобализации*. 2018. № 3. С. 15–25.
28. Сухарев О.С. Экономическая теория институциональных изменений: подходы к моделированию коррекции и дисфункции институтов // *Журнал экономической теории*. 2018. Т.15, № 2. С. 276–290.
29. Талей Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. Москва, 2014.
30. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник / Пер. с англ. М.: Рольф, 2002. 592 с.
31. Турчин П.В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М., 2007. 368 с. ISBN 978-5-382-00104-3.
32. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? / пер. с англ. Москва; СПб.: АСТ, 2003 (Тип. изд-ва Самар. Дом печати). 603 с. ISBN 5-17-007923-0.
33. Чумаков А.Н. Глобализация или деглобализация? // *Век глобализации*. 2023. № 3. С. 19–34.
34. Чумаков А.Н. Глобализация как катализатор развития и упадка империй // *Век глобализации*. 2022. № 3. С. 3–17.
35. Шестаков Р.Б. От геоэкономики до сингулярности: «сумеречная зона» управления социально-экономическими системами // *Экономические науки*. 2015. № 5(126). С. 21–24.